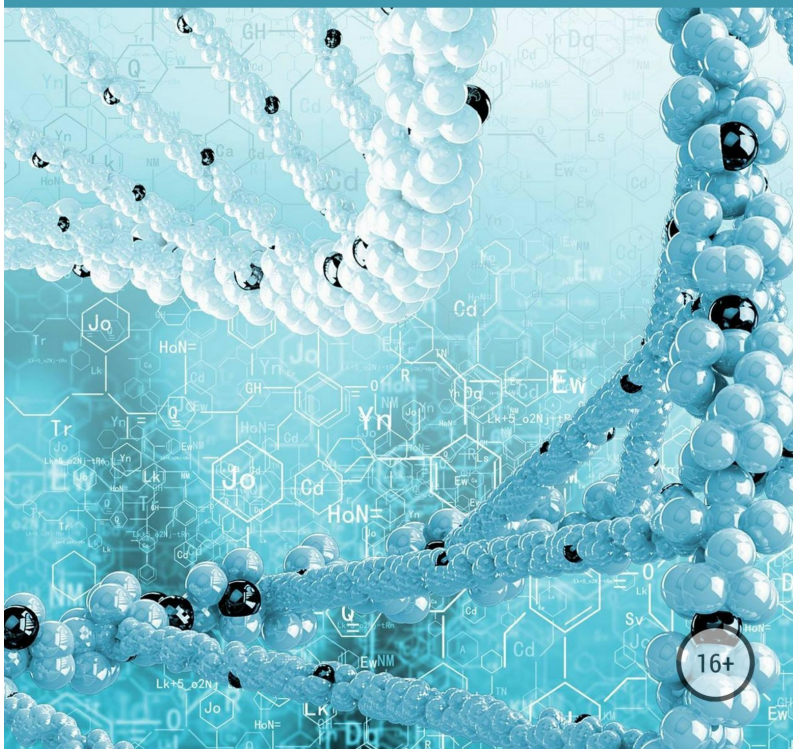

Олег Весна

На глубине

Олег Весна

На глубине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34304425

SelfPub; 2018

Аннотация

Объясняется ли чудо рациональностью? Главный герой, профессиональный журналист, сталкивается с проявлениями чудесного и пытается разрешить их с точки зрения науки и логики. В этом ему помогают умерший дед-отшельник, друг-психолог и единственный чудом выживший в крушении пассажирского самолета заядлый курильщик.

Еженедельник «Уикенд Таймс». Сообщение из рубрики «Происшествия за неделю»

С моста в Темзу! Страшная авария на Лондонском мосту

Две дюжины граждан оказались свидетелями ДТП на Лондонском мосту поздним вечером 14 декабря. По словам очевидцев, водитель автомобиля BMW красного цвета, не справившись с управлением, перелетел ограждение и упал в Темзу. Утопленное транспортное средство восстановлению не подлежит. Водитель госпитализирован. Также в аварии пострадали три легковых автомобиля и доставщик пиццы на мотороллере.

Один из участников ДТП сообщил следующее: «BMW ехал со мной в соседнем ряду. Между нами протиснулся тот парень на мотороллере. Моросил дождь, дорога была скользкая. Я не понял, из-за чего все началось. Услышал визг тормозов отовсюду – несколько машин сразу. Вижу, мотороллер заваливается набок. Водитель BMW то ли не заметил его, то ли отвлекся. Не снижая скорости, он влетел в тормозящий перед ним Seat. В последний момент BMW пытался уйти от столкновения, круто повернув в сторону. А там я. Его занесло, боком он прошелся по моему Рено, и его бросило прямо на мотороллер, который к тому времени уже упал, а его водителя откинуло вперед – парню несказанно повезло! Мотороллер сработал как трамплин для BMW, и

автомобиль выбросило прямо в реку».

Лондон всегда славился героями. Не перевелись они среди нас и сегодня. Невзирая на ужасную погоду, пожелавший остаться неизвестным молодой человек бросился в воды Темзы ради спасения чужой жизни. Передаем слова очевидца: «Мы с друзьями стояли на парковке спортивного клуба, когда со стороны моста донеслись жуткие звуки. Визг тормозов, скрежет сминаемого металла, битое стекло – просто ад! Я увидел, что с моста вылетела черная тень – как всадник апокалипсиса. Все произошло так быстро, я не сразу понял, что это машина, и она спикировала прямо в волны Темзы. У нас случился шок и ступор. А тут какой-то парень рядом с нами скинул ботинки и прямо в куртке бросился в воду. Он настоящий герой!».

Как сообщили нашему корреспонденту другие очевидцы, тело пострадавшего водителя удалось извлечь из утопшего автомобиля силами смельчака, который с помощью группы кинувшихся ему на помощь лиц вытащил бездыханное тело на берег.

Прибывший на место происшествия экипаж кареты скорой помощи застал горе-водителя наглотавшимся воды, в переохлажденном состоянии и со следами свежих травм. Он был оперативно отправлен в больницу, так и не придя в сознание. Личность потерпевшего и его состояние уточняются. Мы надеемся, что жизнь его будет спасена.

Уважаемые читатели! Будьте бдительны на дорогах. И

да хранит Вас Господь!

* * *

Известие о смерти деда совершенно меня не взволновало. Нисколько не тронуло, столь чужим, натурально посторонним он был для меня. Когда в телефонной трубке отец сообщил обыденным басом, словно изрекал избитую житейскую банальность, что дед скончался, и задал истинно риторический вопрос, ждать ли меня на похороны, я был настолько с головой погружен в работу, что, сославшись на необозримых масштабов занятость, скоротечно отказался. Удостоверившись, однако, по тону родителя, что вдвоем с матерью они способны осилить все замороченные процедуры похорон без моей помощи и личного участия, в том числе финансового, я наскоро завершил разговор и вернулся к прерванной работе – пальцы стремительно заскользили по клавишам, воплощая в текстовом редакторе на экране ноутбука так и норовившую улетучиться круговерть мыслей, что предшествовала отцовскому звонку.

Еще без малого три дня провел я, едва не сроднившись с клавиатурой, без передышки, без отдыха, удовлетворяя лишь необходимые для функционирования брэнного тела потребности. Сроки горели, я должен был закончить статью; не смел я даже вообразить всю величину гнева, что обрушился бы на меня, случись мало-мальски значимая задержка

ка – Глен Донахью, мой издатель в «Тауэр Мэгэзин», всегда чрезвычайно строго относился к соблюдению оговоренных сроков. И надо ж было такому случиться, именно в эти дни – свалилось на меня несколько чрезвычайных происшествий, каждое из которых пришлось отработать, поскольку я вел рубрику происшествий в местном еженедельнике «Уикенд Таймс». Приученный к жесткому рабочему режиму, мозг, мне кажется, на подсознательном уровне отсекал любые внешние влияния, мешавшие выполнению задачи. А потому все дела, требовавшие выхода за пределы клавиш ноутбука, неосознанно откладывались в долгий ящик – и порой в список тех дел, которые никогда не начнут выполняться.

Спустя три дня, по случаю долгожданного окончания статьи и отправки ее Глену, мне просто необходимо было расслабиться. Откупорив бутылку красного сухого вина – я поименовал его «Шато Марго», не больше и не меньше, – я наполнил бокал, занял удобную позу на диване и с наслаждением прильнул к манящему хрусталу. Глоток божественного напитка, глубокий вдох, выдох... Жизнь прекрасна! Какое блаженство!

На втором или, быть может, третьем бокале отодвинутый на задворки реальный мир начал неспешно, но неизбежно возвращаться в сознание, и в памяти всплыл звонок отца. Завтра, на трезвую голову, мне непременно следует позвонить родителям да разузнать, как все прошло с похоронами.

Но едва я опрокинул в себя еще полстакана, как мое уеди-

нение оборвал телефонный звонок.

Глен с очередными нравоучениями, внутренне усмехнулся я, выждал театральную паузу и снял трубку. Каково же было мое удивление, когда вместо надрывного с придыханием тенора Глена, долженствовавшего извергать потоки негатива в сторону моих формулировок в статье, в ухо прозвучал спокойный приятный мужской голос, владельцем которого через полминуты разговора оказался нотариус с другого континента, который занимался реализацией завещания моего скончавшегося деда. Он сообщил, что дед завещал мне некую рукопись, и вот ее-то нотариус и намеревался мне должным образом передать. Я хотел было отказаться – к чему гонять кипы бумаг через полпланеты? – но интерес и подобие чувства долга пересилили, я вскоре продиктовал нотариусу адрес для курьерской доставки и распрощался с ним.

Повесив трубку, я вернулся к напитку а-ля «Шато Марго», но голову заполонили воспоминания из далекого детства. Правда в том, что смерть деда несколько меня не задела. Возможно, опечалила – все-таки он был моим родственником. Я вовсе не считал себя черствым и бесчувственным типом, которому на всех плевать. Но я, можно сказать, не знал деда, я едва его помнил – а что должно было вынудить меня грустить всерьез по малознакомому человеку?..

Окружающие считали деда человеком странным, обычно его сторонились. Отец рассказывал, что дед кардинально изменился по возвращении с фронта, не в лучшую, по его мне-

нию, сторону, и всеми силами старался оградить меня от диковатого старца, который после смерти жены – моей бабушки – стал отшельником. Порой отец говаривал, что деда контузило – «прямо в мозг!», – да иной раз восклицал в сердцах, что, де, лучше бы он помер, нежели срамить всю семью перед соседями.

Когда дед вернулся с войны, отец еще не был даже запланирован, а потому я не вполне-то доверял его громким заявлениям. Странность деда, таким образом, была продиктована в первую очередь мнением моей бабушки, и, возможно, других взрослых, разговоры которых мог слышать мой юный родитель. Ужасы войны изменили всех. Как деда, так, без сомнения, и отца.

Первые лет шесть с моего рождения мы втроем с матерью иногда еще навещали старика. Помню, как все дышало беззаботной радостью и здоровым весельем, как отец ранним воскресным утром заводил наш раритетный драндулет, коптящий почище паровоза, и мы выезжали, бывало, на ближайšie озера, в горы или в гости к деду. Поездка к нему занимала честные полчаса пути по вспученной барханами пустыне.

Каждый визит к старику оборачивался затем его увлекательными рассказами о военных событиях, о ранениях, о сбитом самолете противника. Помню, как мне было интересно слушать его; каждый раз он старался рассказать мне о событиях, что произошли с ним под конец войны. Я был слишком юн и наивен тогда, и воспринимал слова деда как

игру или кинематограф, а он повторял свою историю из раза в раз, рассчитывая на мое понимание. Думаю, он старался передать мне информацию, которую я просто не способен был осознать в юном возрасте. Мудрено ли, что добился старик лишь того, что своими рассказами вывел однажды своего сына из себя, после чего они разругались, и мой отец, безуспешно пытавшийся запретить своему отцу пичкать меня «бредовыми историями», отказался от будущих поездок. Я был мал и глуп, но после того страшного скандала, отголоски которого до сих пор как будто бы звенят у меня в голове, отец прекратил не только навещать деда, но и вообще всяческое с ним общение, и я больше не слышал историй о военных днях моего предка.

Прошли годы, что заставили меня позабыть о чудаковатом дедке и его не менее чудных рассказах. И вот на руках у меня оказалась рукопись, что он завещал мне после своей смерти, и которую спустя всего пару дней после звонка нотариуса доставил курьер. Рукопись, в которой дед описал все то, что пытался рассказать мне и в чем не преуспел в свое время.

Теперь я располагал достаточным запасом времени, чтобы позволить себе настроиться на ознакомление с дедовским наследием – после сдачи статьи Глену я выслушал все его недовольства и оперативно внес необходимые правки. Устроившись в кресле, я повертел в руках помятые листы, исписанные вручную аккуратным почерком, и углубился в чтение.

* * *

Моего брата звали Джефффри Роуд-младший, и он был старшим из нас двоих. Мой отец носил имя Джефффри Роуд-старший, а меня нарекли Кеном. Кеном Роудом.

Брат был старше меня на восемь лет. И я искренне любил его. Джефф уважал меня, защищал, оберегал от хулиганов. Он был настоящим, всамделишным, самым что ни на есть аутентичным старшим братом, которым просто невозможно не гордиться. И я гордился! Отцом так не гордился, как братом. Наверное, потому, что отца я знал не долго – тот умер, когда я был совсем еще мальчиком, и брат невольно заменил мне отца.

В Джеффе я видел воплощение идеального брата, да что там – идеального человека! В нем для меня просто не было недостатков. Ни одного недостатка. Джефф был красив, статен, во взгляде его всегда читалась доброта и величие. Девчонки стайками кружились вокруг него, каждая жаждала заполучить лишнюю минутку его внимания.

И всякий раз, как пытался я рассказать ему о своих чувствах, о своем желании походить на него во всем, брат неизменно и настойчиво советовал мне держаться подальше от любого идеала. Идеальных людей не существует, говорил он, и если ты встретишь того, кто покажется тебе таковым – беги от него без оглядки, как от огня.

– А ты, ты же такой, – едва не прокричал я ему в ответ.

– Ты ошибаешься, Кен. Когда вырастешь, поймешь. – Ах, этот пронзительный мудрый взгляд в его пронизательных глазах, этот завораживающий голос, наполненный совсем недетской серьезностью...

Но я все никак не мог вырасти, чтобы понять.

Джеф, я уверен в этом, играл фуги Баха лучше самого Баха – не зря провел сколько-то лет в музыкальной школе, которую был вынужден бросить сразу после смерти отца, дабы начать зарабатывать на пропитание для семьи. Его пианино пришлось продать. А если бы ситуация позволила ему продолжить обучение – я уверен, он стал бы самым именитым пианистом во всем мире!

Я никогда не завидовал ни ему, ни его победам. Наоборот, я был горд, что у меня такой замечательный брат. А он всегда помогал мне и поддерживал во всех начинаниях.

Но однажды Джеф не вернулся домой. А на следующий день мать, вся в слезах, объявила, что брата больше нет. Для нее это была потеря не только сына, но и кормильца – второго после смерти отца.

Я никак не хотел принять то, что Бог забрал Джефа, и я больше никогда не увижу его. Какие-то хулиганы воткнули в него нож? Разве же это возможно? Как мог он оказаться не в том месте и не в то время? Почему он? Как вообще Господь позволил этому случиться?

Когда брата не стало, я проплакал, кажется, целую

неделю без остановки. Для меня это была самая страшная трагедия в жизни. Никогда прежде столь сильное горе еще не касалось меня. Тогда я познал, что такое боль. И что значит испытать ужас потери. Со смертью Джозефа я лишился частички себя, потерял счастье, любовь, утратил покой и, пожалуй, ослаб в своей вере – в людей, в Бога, в справедливость. Страх стал преследовать меня по ночам, заставляя просыпаться в липком поту.

Но не этот страх был первым наваждением в моей жизни. С раннего детства я панически боялся воды, темной и бездонной морской глубины. Страх ее, видимо, я приобрел после того, как однажды, тогда еще втроем с братом и отцом, мы отправились купаться на океан, как делали это неоднократно. Плавать я не умел, поэтому в мое распоряжение был отдан яркий надувной матрас. Брат с отцом накупались вдоволь и отправились на берег, я же отказался выходить из воды и с их дозволения продолжал нежиться среди волн под согревающим солнцем.

Полагаю, что скоро меня разморило, и я уснул. А вслед за тем... из глубин памяти восстают лишь жуткие, будоражащие воспоминания – бесконечная иссиня-черная темнота, приглушенные звуки, отбивающее ритмичный стук сердце да панический, непреодолимый первобытный страх... Настоящий ужас, перевозанный, животный, необузданный кошмар. Я не помню событий, не помню окружающего мира – только лишь этот леденящий ужас.

В тот день я едва не утонул. Брат спас меня. А может, отец. Я не знаю. С той поры я панически начала бояться глубины. Если случалось выйти на пляж и искупаться, то лишь там, где под ногами уверенно чувствовалось дно.

Страх глубины отчасти стал определяющим в деле выбора профессии. Родители прочили Джефффри в летчики. И я стал летчиком – но так во многом распорядилась судьба, война и мобилизация. Став военным летчиком, я как бы пассивно старался завершить то, что мог бы, но не успел, сделать брат. Мне хотелось взметнуться высоко в небо, стрелой рассеять облака, воспарить словно птица.

Незадолго до ухода на фронт я узнал, что Джефф последние годы своей жизни являлся с жуликами и бандитами, да и сам относился к их числу, совершал антисоциальные поступки и разного рода грабежи – но ведь ему приходилось тянуть на себе нас с матерью, и таковым оказался его способ не дать нам окопаться с голоду; смерть он принял от рук своих преступных поделщиков. Новость эта дошла до меня от совершенно посторонних людей, и тогда сложились невнятные до того кубики мозаики – отстраненность матери в отношениях с Джеффом, его слова об идеальных людях, его нежелание посвящать меня в свои темные дела.

Я обратился к матери с вопросом, известно ли ей было об этом, и гневно и настойчиво требовал ответа, почему она молчала, почему ничего не делала, чтобы вернуть Джеффа, предотвратить его гибель? Расспросами я довел мать

до слез, она призналась, что хотела сосредоточиться на заботе обо мне, уже нисколько не надеясь на возможность возвращения Джозефа к нормальной жизни. Она поставила на нем крест – уже тогда, за несколько лет до трагедии.

Но для братской любви такая правда не возымела никакой силы, она не могла поколебать моего отношения к Джозефу. Я лишь укрепился в мысли, что только так и мог он не позволить нам с матерью превратиться в обитателей помоек. Он упорно делал дело, тянул ляжку, нес свой крест. Метод был выбран не лучший, но цель он преследовал благую. В отличие от матери, которая безропотно принимала приносимую сыном пользу, чем лишь глубже закапывала его, заставляя увядать в омуте преступности и порока. Мать даже не пыталась вернуть сына. А ведь только она и была в состоянии спасти Джозефа. Но она фактически отказала ему в помощи. Бросила родное дитя на погибель.

Я так страшно озлился на мать, что это определило мою дальнейшую судьбу – при первой возможности я ушел волонтером на фронт, хоть мне не стукнуло еще восемнадцати – лишь бы подальше от матери. И стал военным летчиком.

Когда наступил тот роковой день битвы с японцами в Филиппинском море, страх моря, ужас глубины и отчаяние перед Марианским желобом – глубочайшей точкой планеты – сотрясали меня от пяток до кончиков волос.

Невзирая на поздний октябрь, солнце жарило необычай-

но. Но пронзавший пот был вызван не только и не столько погодой. Ранним утром мы были подняты по тревоге и вылетели навстречу вражеской авиации. Нас было больше, но, тем не менее, каждый из нас чувствовал, что потомки самураев пойдут до последнего. Мандраж, адреналин, азарт! Шанс доказать, что мы, совсем еще юные пилоты переброшенного сюда несколько дней назад корпуса, тоже способны побеждать и быть лучшими. То был мой первый реальный бой. И что бы там не говорили потом самодовольные генералы, но среди нас были не только опытные пилоты, но и подобные мне новички.

Нам предстоял настоящий бой, и мы, черт возьми, радовались этому, словно дети! Адреналин в крови, на языке молитва, в сердце любовь к родине, в душе – вера в победу. Мы должны победить! И мы должны вернуться.

Все, что происходило дальше, я помню лишь урывками. Моя потрепанная боями и годами память уже не способна воспроизвести все, что случилось, в деталях. Но в тот роковой день я видел все предельно отчетливо и ярко.

Одна стальная стая набросилась на другую. До сих пор помню свирепый, но полный удивления взгляд японского пилота и его выпученные глаза, когда его «Зеро» был атакован моим истребителем. Все закончилось за какие-то мгновения. Лобовая атака, попадание в прицел, нажатие на газетку... «Зеро» задымился и вспыхнул прямо передо мной.

То была моя первая военная победа. И почему-то тогда

и мысли не возникло, что я убил человека – была лишь радость победы над врагом. Не над живым человеком – над врагом. В такие моменты понятие врага и человека становятся по разные стороны. Спустя годы я многократно просыпался по ночам в холодном поту и видел в ужасном кошмаре эти раскосые глаза и пронизывающий взгляд. Но все это было много позже. В тот же день я был полон азарта и беспричинной радости от убийства.

Машину резко бросило в сторону, но разорвавшийся бак подбитого «Зеро» откинул часть остова прямо на меня, и я услышал хруст и лязг обшивки. Машина потеряла управление, и меня «повело».

Как ни пытался я вернуть контроль в свои руки, истребитель отказывался подчиняться моим, возможно, бестолковым в тот момент командам. Потом я не услышал даже – ощутил, – как по обшивке пролился свинцовый дождь вражеской атаки, и почувствовал запах гари; жар в кабине стал невыносим. В ушах стоял неопиcуемый гул, шум и гвалт. Еще какое-то время – не знаю, сколько, – я честно пытался бороться, а потом наступила какая-то сонливо-апатичная тишина; смолкло все – и шум, и грохот, и завывающий звон... Нет, весь этот фон был, но где-то далеко-далеко... Мои попытки что-либо предпринять оказались безуспешными, и под конец мне осталось лишь покинуть истребитель. Я выбросился из горящей машины, и перед моими глазами во все стороны раскинулись безбрежные воды.

Помню сильный ветер, который нещадно избивал внезапными порывами, уносил прочь мое израненное обгоревшее тело, запутывая стропы свистящего парашюта. Но все это уже не имело значения. Гнетущая апатия, охватившая меня еще в кабине, только усилилась. Внизу простирались бурлящие пенистые воды, всхолмленные волнами. Меня несло туда. Вниз. В океан. На глубину.

Не помню, как я оказался в воде. Помню лишь ощущение страха, разбавившего безликую апатию и сковавшего меня в тиски. Детский кошмар, преследовавший все эти годы. Я оказался в воде. Где-то в районе самой глубокой точки Земли, у Марианской впадины. Один, без плавсредств, на расстоянии сотен миль до ближайшей суши.

Я осознал, что история моей жизни подошла здесь к развязке. Никто не станет разыскивать пилота в разгар боевых действий. Быть может, только японцы, дабы пленить, или акулы, чтобы подкрепиться. А большие в тот момент я никому не был нужен. Оставалось лишь наглотаться воды, прежде чем первая заметившая акула решит попробовать меня на вкус.

Наверное, сначала я отделил ножом парашют – этого я не припомню, но иначе он обездвигил бы меня.

Я погружался все глубже в пучину океана. Вода после очередного вдоха забила в легкие; я помню, как тело судорожно сотрясало в потугах к кашлю. Глубина молниеносно приближалась, взывая к панике. Вскоре солнечные лучи пе-

рестали достигать моих глаз, и все скрылось в крошечной тьме. Вокруг – задумчивое и размеренное безмолвие. На самом краешке живой вселенной, которая с каждым мигом стремительно удалялась прочь, едва заметно громыхало.

Я думал о брате. Я был рад, что здесь и сейчас не он, что не ему испытывать этот страх, эту удручающую безысходность. Еще я кричал на него, кричал, чего не делал никогда прежде. Кричал, потому что он умер и не мог мне теперь помочь. Никто не мог мне помочь. Но он... он-то всегда помогал, а сейчас его не было рядом.

Мальчики не плачут. Мужчины тем более. Летчики и по-прежнему. Вокруг меня были соленые воды моря, и все же было сложно отделить их от слез. Что окружало меня в тот миг – воды океана или слезы?..

Бесконечное отчаяние. Холод сковал тело; легкие наполнились водой; лишённые осмысленности и бесполезные барахтанья тянули меня вниз, все дальше от солнца, в глубину, где нет ни света, ни жизни. В Марианскую впадину.

Чем дальше я находился в воде, тем меньше меня волновали акулы. Перед носом проносились стайки рыбешек. Мое скрюченное спазмами тело сдавливали миллионы тонн воды, и я понимал, что вот-вот спектакль моей жизни прервется.

Далекое громыхание сопровождало мое вынужденное погружение, но в определенный момент оно переросло в невообразимый гвалт. Словно весь мир разом заголосил. И, в то

же время, звук этот представлялся предельно легким, умиротворяющим, гармоничным, напоминая порядок, установленный самой природой.

Музыка, внезапно осознал я! Мелодия глубины на языке океана. Симфония, заполнившая все вокруг, затмила собой шум и гвалт; одновременно веселая и печальная, добрая и с оттенком пугающей темноты, радостная и грустная, и бесконечно прекрасная.

Находясь на глубине, без надежды на спасение, я наслаждался полифонией океана, готов был подпевать, впуская в наполненные водой легкие все новые и новые порции губительной влаги.

Мелодия была живой. Удивительной, чуткой, изящной. Она словно подстраивалась под меня, окутывая наслаждением. Эта музыка, казалось, знает, чего жаждет душа и к чему стремится сердце. Я тонул, но был счастлив. Я умирал, но был живее, чем когда-либо прежде.

Время замерло, фронтанируя имманентным движением по изгибам ленты Мебиуса в оксюмороне исчислимой бесконечности.

Среди раскатов симфонии я различил хоровое пение. Гармоничное многоголосье, наполненное удивительной жизненной силой, одновременно трепетное и сильное. Стали различимы отдельные смыслы, не слова даже, но живые образы, потоки сознания. И все большие этих потоков я начинал понимать... Нет, не понимать даже, но осознавать, и, не

побоюсь этого слова, – чувствовать. Я чувствовал проносящиеся мыслеобразы, воспринимал проходящие сквозь меня картины и пейзажи, но не мог зафиксировать их, осмыслить и осознать.

Вокруг не было уже ни воды, ни глубины, ни страха, ни переживаний. Неупорядоченные мысли, калейдоскоп смыслов, иррациональная реальность, обособленное сознание, всемогущий логос... Мне открылось иное видение, стало доступно понимание всей глубины воспринимаемой информации, я узрел нечто ранее недоступное моему пониманию.

Они издревле населяли планету. Они жили в гармонии с миром, были неотъемлемой частью природы. Хранителями истории называли они себя. И когда солнце из дарующего жизнь превратилось в светило, несущее радиоактивную опасность, они ушли под воду, и продолжили стеречь и оберегать гармонию мира. Ценой множественных смен поколений пришедшие вслед адаптировались к лучам убийственно-го солнца.

Дикари, чья короткая жизнь пролетает под безжизненными лучами солнца.

В льющейся музыке мыслящего сознания я различаю этот голос. Не голос даже, а поток информации, сформулированной не словами, но мыслями.

Тысячелетия бесконечных войн отточили в вас жестокость и ярость, злобу и воинственность. Вы источаете желание разрушать, крушить и уничтожать. Вы

*наполнены аномальным стремлением к истреблению.
Ваша сущность – вечное сражение, бесконечная битва.*

*Они обвиняют нас в жестокости. Но разве не агрессия
позволяет выживать, побеждая врагов? Разве это не глав-
ный локомотив эволюции?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.